

ЖИВ ТОТ, КОМУ БОЛЬНО

Иван Дыховичный начинает работать вместе с Владимиром Сорокиным

Независимая газ. - 1996. - 6 мая. - С. 7

Сергей Шаповал

Рефлексия

Иван Дыховичный (р. 1947) — актер, кинорежиссер. Учился в школе-студии МХАТ и Щукинском училище. Работал в театре Аркадия Райкина и Театре на Таганке. Окончил Высшие режиссерские курсы, учился у Андрея Тарковского. Автор фильмов «Черный монах» (1988), «Прорва» (1992) и «Музыка для декабря» (1995). Обладатель престижных призов и премий, среди которых приз Венецианского кинофестиваля (1988) и премия Жоржа Садуля за лучший фильм-дебют 1988 года в мире — за фильм «Черный монах».

- ИВАН, каков ваш диагноз нынешнего состояния нашего кино?

— Наш кинематограф напоминает мне министерство морского флота в стране, где нет моря. Никакой востребованности нет — не надо себя обманывать, если бы она была, давно был бы налажен прокат... Система не существует, выживают отдельные индивидуумы. Живут разводящие, те, кто имеет тенденции руководящего характера. Кино они не делают, а создают пену. Пены очень много, невероятно много фестивалей, такого их количества не было и быть не может ни в одной стране. Вокруг тусовка. Некое министерство изображает, что оно всем помогает. Это похоже на ситуацию в стране две тысячи слонов и на каждого выделяют рубль в день, двух слонов, может быть, и можно прокормить, а так погибнут все... Существуют исключения, например, Ельцин дает на проект Рязанова три миллиарда рублей. Такая себе большая деревня...

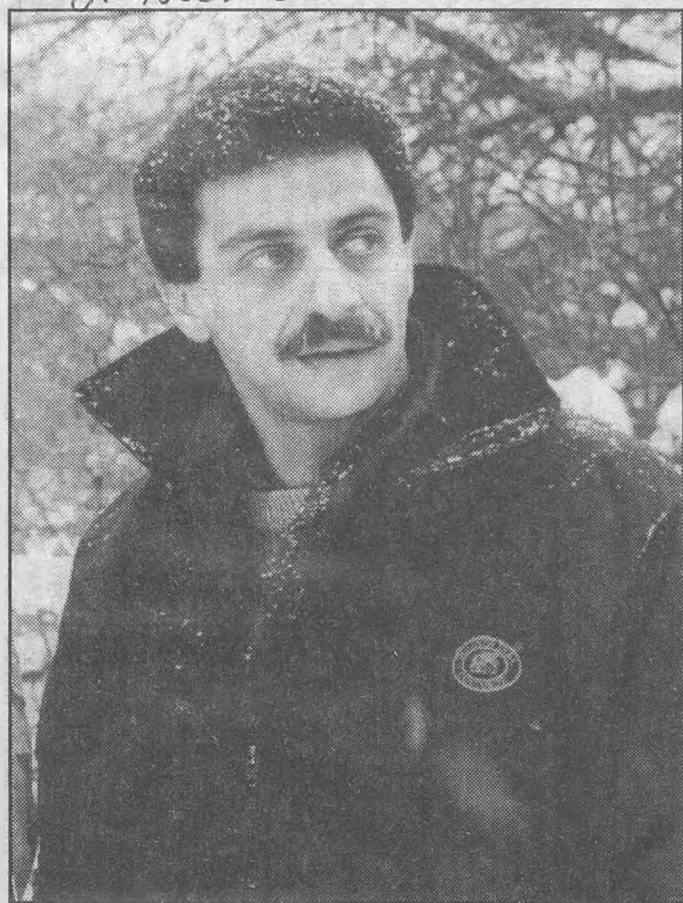
Проблема не в том, что нет хорошего кино, оно есть в нескольких экземплярах. И, уж казалось бы, оно должно быть востребовано. Когда мало воды, каждая капля является ценностью. Просто в нашем обществе нет никакого интереса к культуре, я это утверждаю. Такой момент...

— Как вы относитесь к кинокритике?

— При том, что заслуживающие интереса явления у нас можно пересчитать по пальцам, на них идет жуткая травля — я не могу это иначе назвать. Такой жесткой и жестокой критики просто нет в мире. Мало того: картин пять, а критиков и людей около кино тысяч десять. Это, как во дворе: бежит кот, а за ним штук двадцать собак, они его точно разорвут! Может быть, кот этот и не блестящий, но он один во дворе, а собаки, между прочим, мышей не ловят... Сегодня возникло еще одно явление — в новом поколении оно развито в большей степени, а старое от этого поймаю душной тон: ни о чем говорить хорошо нельзя, можно только стесаться... Я не слышал одобряющего отзыва по поводу хотя бы одного явления в культуре (разве что о Глазунове). Я не призываю восторгаться и впадать в экзальтированный идиотизм... Но ведь эти работающие единицы не имеют ни денег, ни поддержки, ни публики. А в это время люди, пришедшие доверять печатному слову, слышат, примерно, такую интонацию: ну что это за фильм? не фонтан. Это критика? Будьте профессионалами, судите меня по последнему счету ремесла. А обычно это вначале пугающий пересказ содержания, потом ирония над ним. Тем не менее. Я показываю «Музыку для декабря» в Киноцентре два раза в месяц. Там же идут самые ударные и развлекательные американские фильмы. Максимум американцев зала на них 40 процентов, у меня — 100. У меня нет обиды: Бог спас, и вокруг идет какая-то беседа... Появились люди, которые не верят критикам, более того, возник обратный процесс: критика ругает — надо идти смотреть.

При этом рядом могут происходить весьма сомнительные события, до которых никому нет дела. Возьмем выдающийся факт нашей жизни — строительство храма Христа Спасителя. Я понимаю его лафос. Но там будут работы Зураба Церетели, Глазунова... Кто-нибудь подумал, что мы создаем? А ведь это можно было остановить. Но у нас все по-своему: простебались и забыли. С другой стороны, я понимаю Лужкова. Он безусловный хозяин города и делает реальные вещи. Многие из них незаметны, поэтому нужно что-то, что увидят все. И правильно. Лужков — единственный из всей компании, который понял, что для того, чтобы удивляться, нужно иметь некую художественную идеологию. Сегодняшняя власть, пытающаяся себя сохранить, не создала своего образа — в отличие от коммунистов, которые свой, пусть тупой и кошмарный образ создавали и буд-дого создавали, если придут к власти... Сталин вовремя понял, что пока он не придумает форму этого бреда, его разнесут. Как только возник этот чудовищный амфиб — все состоялось...

— Многим — и режиссерам, и критикам — не дает покоя факт появления у нас большого коли-

Иван Дыховичный.

Фото РИА—Новости

чества американских фильмов, говорят об их «засилье», предлагают ограничить их показ.

— Мне американский кинематограф не близок, но его ни в коем случае нельзя отрицать. В нем много позитивного наряду с глубоко отрицательным. У американского кино можно научиться. Так как я занимаюсь весьма определенным направлением в искусстве, я — за развитие в человеке сложности, а не за его упрощение. Тенденцию к понижению я считаю очень опасной. А именно ее в значительной мере американское кино провоцирует... Я не думаю, что человечество выживет на «Макдоналдсе», хотя понятно, что оно не может существовать без пищи, приготовляемой для большого количества людей. Но кто может просчитать последствия, которые будет иметь такое направление? Или пятиэтажки в нашей жизни... Они категорически были необходимы? Возможно. Вред, какой они принесли, мы знаем? Еще нет, но ясно, что колоссальный. Американское кино, конечно, сейчас доминирует — оно востребовано, оно проникает в подсознание, ибо воздевает на простейшие инстинкты. (Кроме шедевров, которые они все-таки делают.) Параллельно с массовой культурой вызывает элитарная и не вызывает средняя.

— Можно долго критиковать массовую культуру, но кино — это не только искусство, но и ремесло. И тут надо признать, что американцам равных нет. Дело не в технических выкрутасах, а в уровне органичности. У нас, в основном, чем манернее режиссура, тем лучше, чем больше актер кривляется или чем дольше умеет держать истерику, тем скорее его объявят звездой...

— Я абсолютно согласен с вами: меньше всего в этой стране уважаются ремесло. Мы много говорим о духовности и творчестве и мало — о ремесле. Я убежден, что ни один уважающий себя художник не назовет себя художником, он назовет себя ремесленником. И то, что возникает над ремеслом, как говорится, Бог послал... Но для этого необходим определенный ремесленный уровень, которого у нас нет. Зато профанации у нас больше, чем во всем мире: ведь в течение многих лет мы были сориентированы на самую фальшивую идею — народ всегда прав. В последние годы мы увидели профессиональный уровень мирового кино. Теперь именно с ним надо конкурировать. Что мы можем предложить? Только разговоры: да у нас тоже кое-что есть — и не хуже... Пока мы были закрыты, было проще. Сейчас наши автозаводы вместо того, чтобы делать нормальные автомобили, требуют, чтобы их не ввозили из-за рубежа. Этим юродством занимаются и в кино. Профанаторы кричат: это наше русское, не пускайте западное сюда!.. У нас в искусстве сегодня процветает поколение, которое в пионерском лагере левой рукой нарисовало картинку, и она сразу попала на выставку. Но я убежден: через два-три года начнется коммерциализация кино, люди поймут, что кино — это фантастический бизнес, тогда повысится общий профессиональный уровень. Я надеюсь до этого дожить и найти возможности, чтобы выразить нашу эпоху.

— Многие писатели не способны быть читателями, режиссеры — зрителями, в общем, появляется своеобразный профессиональный кретинизм.

— Эта проблема существует у всех режиссеров, конечно, у меня тоже и, может быть, в большей степени, чем у кого-либо. Я маниакально держался за профессионализм и за веру в свое дело и только так мог их утвердить — с перебором. Теперь, когда я их утвердил, я стал более свободным. Единственное, чем я могу вывести себя из этого зажима, — это при-

ятие жизни. Скажем, я открыт к Тарантино в большей степени, чем мои коллеги, хотя Тарантино от того, что я делаю, очень далек...

— Я слышал, что у вас возник совместный проект с Владимиром Сорокиным..

— Сорокин предложил мне экранизировать «Тридцатую любовь Марины», и я очень внимательно к этому отнесся. Мысленно я принял эту идею... Мы с ним встретились, и когда он выслушал меня, а я его, то пришли к другому результату: стало ясно, что ему не нужно делать со мной еще одну «Прорву», а мне не надо ставить «Марину». Что получится, неизвестно, но у нас есть шанс. Я легко отдам сюжеты, но об этом замысле подробно говорить не хочу. Скажу лишь, что мы придумали картину, подводящую итог определенной эпохи, героем которой была женщина. Фантастическая фаза, нигде в мире не пройденная! Сейчас настало время, когда женщина стала героиней времени, и получил право снова быть вожаком.

— Ваш союз интересен. Исходные посылы очень разные: вы признаете иерархию в культуре, Сорокин ее отрицает, вы стремитесь создать, у Сорокина репутация разрушителя...

— Я вам отвечу эзоповым языком. Когда-то у меня была редкая машина, лабораторный экземпляр. В ней сломалась деталь, которую я отнес на несколько военных заводов, на трех мне сказали, что ее сделают легко, на четвертом, что это невозможно. Я отдал ее на четвертый... Мое сотрудничество с Сорокиным относится к этой категории. Когда он говорит, что он беспасфосный, циничный человек, не верьте. Мне кажется, наш союз будет невероятно гармоничным. На самом деле я человек жесткий, вижу вещи, которые мало кто видит. Иногда я деликатнаю. Но думаю, он меня толкнет на что-то одно, а я его — на что-то другое. Мы очень редко находим взаимообогащение. Я работаю с оператором Вадимом Ивановичем Юсовым, мы очень разные люди, в каких-то ситуациях он меня осаживает, в других я его невероятно раздуваю. Он профессионал. Так вот, я думаю, мы с Сорокиным — профессионалы. Это очень важно.

— Может быть, вы просто спешите нагнать время?

— Сейчас в нашей стране за три-четыре года происходят кардинальные изменения. Но в кино этого совершенно не учитывают. Что-то производится, а люди-то переменялись. Уже нельзя повторяться, нужно делать вещь с опережением. Я не пытаюсь угадать новое поколение, а точно выражаю свое состояние в изменившихся условиях. Поэтому солист группы «Ногу свело» говорит мне «ты». А не потому, что он — невоспитанный человек. Соловьеву он «ты» не скажет, Соловьев — генерал, а в искусстве генералов не бывает...

Нужно просто быть адекватным жизни, культуре, своему поколению. Единственная поэтическая фраза, которую я произнес за свою жизнь: если больно — значит жив. Вот что мы за поколение. Поэтому я не могу долго находиться в Америке. Там совершенно другая среда, все о'кей, все улыбаются и т.д. Я урод в этой модели и, естественно, считаю, что уроды они... Моя бывшая жена с ребенком уехала в Америку и там вышла замуж. Они нарушили все законы и фактически украли у меня ребенка. Я этому человеку пишу письмо: я к вам ничего не имею, я люблю своего ребенка, давайте договоримся, чтобы я смог с ним выдаться, ведь всюду вы говорите о любви к детям и пр. В общем, сердечное письмо отчаяния. Никакого ответа, потом приходит факс: обращайтесь к моему адвокату... Так что мы замечательно разные.